

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2025.48.48.003

Парадигма социализма в системе учений немецкой исторической экономической школы и марксизма

Мателин Дмитрий Андреевич

Аспирант,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, переулок Стремянный, 36;
e-mail: dmitrii200012@gmail.com

Аннотация

В статье представлена попытка осмысления социализма через призму марксизма и взглядов представителей немецкой исторической экономической школы. Актуальность исследования объясняется по большей части односторонним критическим взглядом положений марксизма, определявшего общественное устройство российского государства на протяжении большей части XX в., на вопросы создания общества равенства и справедливости и тенденциями к переосмыслению отечественного «социалистического опыта» в экономической науке. Целью исследования является попытка обобщения и систематизации взглядов на социализм на разных исторических этапах, главным образом – в период активного развития марксизма и немецкого «историзма» как двух ответвлений немецкой экономической мысли второй половины XIX в. Рассмотрены основные источники и положения, определявшие социализм как явление фантастически-утопическое, а затем и научное. Проанализированы взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на социалистическое устройство общества, предложенная ими классификация социализма, отношение к социализму представителей немецкой исторической экономической школы. Исследованы, в частности, менее радикальные подходы отечественного марксиста М.И. Туган-Барановского к анализу и классификации социализма немецких «историков».

Для цитирования в научных исследованиях

Мателин Д.А. Парадигма социализма в системе учений немецкой исторической экономической школы и марксизма // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 1А. С. 15-25. DOI: 10.34670/AR.2025.48.48.003

Ключевые слова

Немецкая историческая экономическая школа, марксизм, социализм, утопический социализм, государственный социализм, катедер-социализм.

Введение. Об истоках фантастического и научного в социализме

Основной целью науки о ведении хозяйства является исследование условий, при которых неограниченные потребности людей могут быть удовлетворены ограниченными ресурсами. Здесь же находит свое отражение нравственно-философская категория равенства, базисом для которой в данном случае является идея одинакового распределения материальных благ между людьми.

Идея равного распределения экономических благ между людьми, отождествленная с идеями социальной справедливости и социального равенства, составляет фундамент социалистического общества и самого понятия социализма, однако в данном случае идея значительно опережает формирование самого понятия. Так, одни из первых представлений о справедливом общественном устройстве можно найти в свидетельствах об античных мифологических представлениях о «золотом веке», одним из которых является поэма древнегреческого поэта Гесиода «Труды и дни» [Аршин, 2023, 41]. Еще одним ее достоинством является одна из первых попыток рассмотрения истории в развитии в генеалогической интерпретации, здесь же находит свое отражение первый шаг в сторону использования диалектического подхода к рассмотрению исторических явлений. Рассуждая о движении общества от условий благоприятствующих к бедственному положению, Гесиод рассматривает последствия возникших между Зевсом и Прометеем противоречий: «скрыли великие боги от смертных источники пищи: иначе каждый легко бы в течение дня наработал столько, что целый бы год, не трудясь, имел пропитанье ... но далеко Громовержец источники пищи запрятал, в гневе на то, что его обманул Прометей хитроумный» [Гесиод, 2001, 52-53].

Иным известнейшим «предвосхитителем» справедливого общества и социализма часто называют Платона, отсылая к его диалогам «Законы» и «Критий». В диалоге «Государство» Платон, помимо прочего, рассматривает категорию справедливости и вопрос о том, что ее источником является воля государственной власти. Он приводит спор Сократа с Фрасимахом, утверждающим, что справедливость – это «то, что пригодно для сильнейшего» [Платон, 2007, 116], однако, по мнению Сократа, ошибаться способна и власть. Установленные ей ориентиры могут противоречить не только интересам подчиненных, власти «иной раз ошибаются в выборе наилучшего для самих же властей» [там же, 116].

Истоки и сущность категории справедливости в обществе были объектом значительного интереса Томаса Мора, написавшего в 1516 го. произведение «Утопия», в котором он через призму политической сатиры описал устройство общества одноименного островного государства, в котором царит всеобъемлющее равенство. Первая часть этого произведения, впрочем, представляет собой главным образом диспут, предметом которого является критика актуального периода написания устройства Англии со стороны представителя вымышленной страны Рафаила Гитлодея. Ярко окрашенным примером являются его рассуждения о соразмерности казни для воров, у которых «нет никакого другого способа снискать пропитание» [Утопический роман XVI-XVII веков, 1971, 52] в условиях недостаточной развитости производящих хозяйственных отраслей для удовлетворения базовых потребностей трудящихся честным трудом и обилия знати, которая «живет праздно, трудами других, именно – арендаторов своих поместий» [там же, 53]. Здесь же автор отсылает к Платону и приводит первичную критику частной собственности как главного препятствия на пути к достижению имущественного равенства, поскольку при частной собственности, по мнению автора, «каждый на определенных законных основаниях старается присвоить себе сколько может ... каково бы

ни было имущественное изобилие, все оно попадает немногим; а они, разделив его между собою, оставляют прочим одну нужду» [там же, 74].

Во второй книге произведения, описывая устройство Утопии, Томас Мор отмечает, что, несмотря на общественную собственность, утопийцам «приличествует быть не менее благосклонным к себе, чем к другим» [там же, 100], ведь «сама природа предписывает нам приятную жизнь, то есть наслаждение» [там же, 101]. Помимо частных договоров утопийцы должны соблюдать установленные честным правителем или согласием народа «общественные законы о распределении удобств жизни, то есть материала удовольствия» [там же]. Воля народа, в частности, выражается в возможности выбора из числа ученых протофилархов, руководящих отдельными общественными единицами. Таким образом Мор не исключает необходимость государства и государственного управления в распределении благ, но призывает их быть справедливыми. Приведенные во второй части «Утопии» рассуждения об этом нравственном императиве и его роли в создании идеального общества превращают предложенный Мором концепт в утопический.

Преодоление разрыва между утопическими наваждениями фантастов и научно обоснованной парадигмой современного Фридриху Энгельсу представления о социализме ученый связывал с развитием принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века. Не без некоторой осторожности Энгельс ставит в этот ряд наиболее продвинувшихся, по его мнению, в вопросах установления справедливого общества Сен-Симона и Фурье, а также англичанина Роберта Оуэна: «Подобно просветителям, они хотят сразу же освободить все человечество ... но их царство, как небо от земли, отличается от царства разума у просветителей. Буржуазный мир, построенный сообразно принципам этих просветителей, так же неразумен и несправедлив и поэтому должен быть так же выброшен на свалку» [Маркс, Энгельс, 1961, 191]. Этот период Энгельс охарактеризовал как время, когда иллюзия общественной справедливости, обеспеченная равенством политических прав, исчезла, и требование равенства стало распространяться уже на «общественное положение каждой отдельной личности» [там же], а «спартанский коммунизм» уступил место взглядам трех указанных утопистов, которые, помимо прочего, в отношении установленных «победой разума» новых политических и общественных учреждений констатировали «горькое разочарование» [там же, 193].

Тем самым Фридрих Энгельс, во-первых, подчеркивает неоднозначность предложенной Томасом Мором идеи о выборе должностных лиц среди ученых, поскольку общество «победы разума» к моменту написания Энгельсом приведенных строк показало свою несостоятельность, а идеи просветителей необязательно отражают наиболее справедливое для всех устройство общества, являясь, скорее, идеализированным представлением в рамках отдельных исторических эпох. Так это было, например, с «Золотым веком» Гесиода. Во-вторых, приведенные рассуждения Энгельса создают фундамент для последующего диспута о взглядах на социализм со стороны появившегося приблизительно в то же самое время, что и марксизм, экономического учения – немецкой исторической экономической школы.

Классификации социализма с марксистской точки зрения

Наличие разнообразных схожих течений, взаимное влияние отдельных экономических учений и различающийся национальный опыт отдельных государств определяют множественность толкований и интерпретаций социализма. Течения, определяющие своей

главной целью стремление ко всеобщей справедливости и равенству, приобрели более-менее строгие классификационные очертания лишь к концу Первой мировой войны, однако и после нее в этом вопросе наблюдались некоторые сложности.

В силу этого рассмотрение социализма как научного явления следует все же начать с предложенных Марксом и Энгельсом классификационных разновидностей. В качестве первого из них следует рассмотреть упомянутый ранее критически-утопический социализм. Признавая очевидные положительные черты этого вида социализма, характеризуя его как давший «в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих» [Маркс, Энгельс. Сочинения. Т. 4, с. 456], Маркс и Энгельс находят главные его недостатки в том, что его авторы считают себя стоящими выше классового антагонизма, и «отвергают поэтому всякое политическое, и в особенности всякое революционное, действие» [там же]. Отчасти марксисты объясняют это неразвитостью классовой борьбы в период появления воззрений «утопистов», но также отмечают, что значение критически-утопического социализма находится «в обратном отношении к историческому развитию», поскольку по мере обретения классовой борьбой все более четких форм стремление возвыситься над ней, «притупить классовую борьбу и примирить противоположности», невзирая на развитие пролетариата, лишает последующих «утопистов» всякого оправдания, и если взгляды основоположников этого течения можно было назвать революционными, то их преемники «всегда образуют реакционные секты» [там же, 456-457].

Реакционный характер является обобщающей чертой следующей выделенной Марксом и Энгельсом формы социализма – реакционного, подразделяемого в «Манифесте коммунистической партии» на феодальный, мелкобуржуазный и немецкий. Феодальный социализм они видят прежде всего как порождение борьбы английской и французской аристократии против набравшего силу буржуазного общества: «аристократия должна была сделать вид, что она уже не заботится о своих собственных интересах и составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса» [там же, 448]. Примечательны и следующие строки: «если феодалы доказывают, что их способ эксплуатации был иного рода, чем буржуазная эксплуатация, то они забывают только, что они эксплуатировали при совершенно других, теперь уже отживших, обстоятельствах и условиях» [там же, 449]. Тем самым авторы подчеркивают исключительно реакционный характер такого социализма.

Вторым видом реакционного социализма является мелкобуржуазный. Колеблющийся между пролетариатом и буржуазией, он, по мнению Маркса и Энгельса, мог «подметить противоречия в современных производственных отношениях» и «разоблачил лицемерную апологетику экономистов» [там же, 450] в отношении индустриального производства и вытекающих из него следствий. Однако «по своему положительному содержанию этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и обмена ... или – вновь насильственно втиснуть современные средства производства и обмена в рамки старых отношений собственности» [там же]. Вот почему к наиболее ярким представителям этого течения марксисты отнесли основоположника экономического романтизма Симонда де Сисмонди, считавшего отгремевшие в Европе промышленные революции неестественными.

Третий обозначенный Марксом и Энгельсом вид реакционного социализма – немецкий (или так называемый «истинный») социализм. Его понимание невозможно без учета условий, в которых эта мысль формировалась, развивалась и интерпретировалась в разрозненных германских землях XIX века. Этот период характеризуется прежде всего продолжительным переходом германских земель от феодального строя или его пережитков к индустриальному

производству и капиталистическому укладу: «социалистическая и коммунистическая литература Франции, возникшая под гнетом господствующей буржуазии ... была перенесена в Германию в такое время, когда буржуазия там только что начала свою борьбу против феодального абсолютизма» [там же, 451]. Немецкий социализм таким образом стремился перенести идеи французского социализма в условия, которых в Германии еще не было. В это связи Маркс и Энгельс пишут, что он скорее выражал интересы мещанства, основу которого составляла мелкая буржуазия, в страхе ожидавшая своей гибели как вследствие набравшего силу господства крупной буржуазии, так и вследствие роста и развития рабочего класса, обьятого нарастающим недовольством. Однако этот же факт отсылает к некоторой распространенности описанного ранее феодального социализма на территории германских земель, а рассуждения о следующем виде социализма – немецком только подтверждают это.

Немецкий («истинный») социализм ближе всего к описанному ранее мелкобуржуазному и даже может быть к нему приравнен. В примечании к немецкому изданию «Манифеста коммунистической партии» 1890 г. Энгельс отмечает, что это движение было полностью сметено революцией 1848 года, полагая, что объединение Германии и устранение значительной части феодальных устоев привело к исчезновению мелкобуржуазных спекуляций, лидером которых он назвал Карла Грюна. Однако вплоть до окончания Второй мировой войны в германских деревнях было распространено юнкерство (одна из форм консервативной дворянской феодальной организации), оказывавшее влияние на мелкобуржуазные слои населения, а в городах мелкая буржуазия следовала за социал-демократией [Шмидт, 2005, 36]. Исходя из этого, можно также сделать вывод, что немецкий («истинный») социализм искоренен не был, хотя, очевидно, потерял значительную долю своих позиций в ходе революции 1848 г.

Третьим крупным видом социализма Маркс и Энгельс определили консервативный (буржуазный) социализм. Эта категория является наиболее многообразной и широкой в рассматриваемом вопросе, поскольку не ограничивается национальными и инструментальными категориями. Она же, по мнению Маркса и Энгельса, является одним из главных зол, поскольку активно действует во второй половине XIX в. в условиях становления прочных оснований для борьбы классов и господства европейской буржуазии: «социализм буржуазии заключается как раз в утверждении, что буржуа являются буржуа в интересах рабочего класса» [там же, 454]. К этому моменту даже в Германии буржуазные силы становятся весьма значительны, а тезисы буржуазного социализма различаются и направлены на разные слои общества.

Существенная доля воззрений «историков» на предмет установления социализма относится как раз к периоду второй половины XIX в., когда основным оппонентом марксистского социализма являлся определяемый новым обществом Германии социализм буржуазный. Тем не менее, не до конца понятно, к какому из перечисленных ранее видов социализма следует относить изложенные представителями немецкой исторической школы взгляды на построение общества справедливости и равенства.

Социализм представителей немецкой исторической школы политической экономии

Марксистский взгляд на идеи установления социалистического общества яростно критикует воззрения на этот вопрос немецких «историков». Идеи немецкой исторической школы нельзя назвать унифицированными ни по их сущности на разных этапах развития этого учения, ни со

стороны различия взглядов отдельных его представителей, относящихся к одному и тому же этапу развития этого учения. Объединяющим признаком этого экономического течения является особое внимание к уникальности исторического опыта каждого из отдельно взятых национальных хозяйств и необходимости его учета при обосновании экономических решений. Исходя из этого, следует полагать, что представления о социализме и способах установления общественного равенства и справедливости в рамках каждого государства также могут отличаться, равно как могут отличаться взгляды на социализм среди различных представителей этого разрозненного учения.

Осознававшие отсталость немецкого производящего хозяйства германские ученые не стремились к поражению в этой борьбе с таким индустриальным мастодонтом, как Англия. Немецкие экономисты первой половины XIX века не могли позволить веяниям экономического романтизма свести на нет и без того тяжелые и обремененные политической раздробленностью попытки перехода от феодализма к промышленному перевороту, продолжавшемуся и без того почти полвека. Зарождавшиеся в начале этого периода идеи немецкой исторической школы стали одним из противовесов ретроспективному подходу Сисмонди. Одна только система периодизации хозяйства по критерию способности национального хозяйства к производству богатств, изложенная Фридрихом Листом в «Национальной системе политической экономии», демонстрировала невозможность отступить перед начавшимся промышленным переворотом в Германии, а созданная им же концепция «воспитательного протекционизма» давала первые экономически обоснованные инструменты для начала конкуренции с промышленно развитыми странами. Пути назад к феодализму и, как следствие, к реакционному феодальному социализму быть не могло, несмотря на наличие юнкерства в деревнях и остававшихся сильными даже после революции 1848 г. феодальных пережитков.

Рассматривая вопрос о необходимости учета исторического контекста периода XIX века, необходимо отметить еще один важный элемент, в условиях которого формировался немецкий взгляд на социализм. Этим элементом было все более набиравшее популярность движение пангерманизма, вылившееся в конечном итоге в объединение значительной части германских земель под эгидой «железного канцлера» Отто фон Бисмарка. Мысль пангерманизма была основательно пропитана набирающей в умах интеллигенции и народа идеей национального немецкого духа, берущего начало в трудах Гегеля.

В рассуждениях об «истинном» социализме Маркс и Энгельс подчеркивают, что немецкий социализм «провозгласил немецкую нацию образцовой нацией, а немецкого мещанина – образцом человека» [там же, 453], хотя во многом это было сделано с целью сблизиться такими социалистами «пару своих тощих «вечных истин»» [там же] как можно большему числу представителей немецкого народа. При этом они отмечают, что «он апеллирует уже не к немецкому «мыслящему духу», а к немецкому «сердцу»» [Маркс, Энгельс. Сочинения. Т. 3, с. 457].

Таким образом, основополагающая в немецкой исторической экономической школе концепция духа предписывает относить по своему идейному значению социализм «историков» к «истинному» немецкому социализму как на «разумных», гегелевских началах, так и на «сердечных» (которым нередко следовал Вернер Зомбарт), в то время как классовую его основу в рядах немецкой исторической школы составляют не мелкая буржуазия или ее защитники и апологеты, а немецкие экономисты (профессора) второй половины XIX века. Именно поэтому наиболее часто в научной литературе социализм немецких «историков» называется катедер-социализмом.

Столь же часто немецких «историков» называют последователями государственного социализма, основывавшегося на центральной роли государства в вопросах установления справедливого общества посредством реформ с сохранением актуальных для общества экономических отношений и форм собственности. Значительная часть источников указывает на то, что этим понятием впервые были названы проводимые Бисмарком мероприятия по социальному обеспечению немецких рабочих. Стремление сохранить существовавшие устои немецкого общества обличает и тот факт, что Бисмарк был главным проводником политики юнкерства.

Фридрих Энгельс в письме Карлу Каутскому от 16 февраля 1884 г. предлагал обличить государственный социализм, опираясь на опыт колониального руководства Явой, представленный в книге адвоката Дж. У. Б. Мани: «голландцы на основе древнего общинного коммунизма организовали производство на государственных началах и обеспечили людям вполне удобное, по своим понятиям, существование; результат: народ удерживают на ступени первобытной ограниченности, а в пользу голландской государственной казны поступает 70 млн. марок ежегодно (теперь, наверное, больше)» [Маркс, Энгельс, 1964, 96-97].

Представитель позднего этапа немецкой исторической экономической школы Макс Вебер также считается ярким представителем государственного социализма. Однако своих трудах он активно исследует способы решения аграрного вопроса в Германии и критикует находящееся в «агонии старое прусское юнкерство» [Вебер, 2003, 16] как препятствие на пути к индустриальному развитию страны. Отправной точкой философии истории М. Вебера является «рациональность». Рационализация, по его мнению, должна сопровождаться государственным администрированием, усилением бюрократии и бухгалтерии [Стоцкая, 2014, 175]. Она же должна стать фундаментом для установления справедливого общества.

Критические замечания марксистов в отношении взглядов представителей немецкой исторической школы на социализм по большей части носят радикальный характер. Во-первых, в общем виде марксизм относит видение «историков» к буржуазному социализму. Однако приведенная ранее классификация Маркса и Энгельса основывается на классовом, историческом (если рассматривать утопический, реакционный и буржуазный социализм как исторически сменяющиеся по мере развития общества на принципах исторической диалектики) и национальном критериях. Радикальные марксисты относят всех без исключения представителей новой и юной немецкой исторической школы к классу буржуазии, и если М. Вебер открыто признает себя представителем буржуазии, то отнесение остальных представителей «исторического» направления к этому классу весьма опрометчиво и опирается на давно подвергавшуюся критике формулу существования лишь двух классов – пролетариата и буржуазии. Помимо этого, игнорируется приведенный ранее факт, что идейно социализм немецкой исторической экономической школы опирается более на немецкий «истинный» социализм, и для него также свойственны как «разумность», так и «сердечность». Наконец приведенные Марксом и Энгельсом классификации так или иначе упираются лишь в реакционность: утопический социализм – по мере преобладания разработанных утопистами систем; буржуазный – в силу становления буржуазных сил (в том числе в Германии XIX века); реакционный – по своей сути. Таким образом, рассмотрение и апелляции к данной классификации возможны при условиях признания исторического развития производства на принципах диалектического материализма и движения от одной выделенной К. Марксом общественно-экономической формации к другой.

Во-вторых, радикальный марксизм по большей части не делает различий между государственным социализмом немецких «историков» и катедер-социализмом. В сущности, эти

направления столь же различны, что и взгляды отдельных представителей немецкой исторической экономической школы. Это различие понимал другой марксист – М. И. Туган-Барановский, нелестно названный Лениным «легальным марксистом».

Михаил Иванович, в отличие от своих коллег по экономическому течению, прибегает к менее радикальным умозаключениям. Он предлагает уйти от свойственного марксистским социалистам строгого разграничения права собственности на средства производства и предметы потребления (отмечая их частую неотделимость друг от друга), а сами предметы потребления распределяет на три группы по критериям права собственности и права пользования [Туган-Барановский, 1996, 275-276].

Во второй главе своего труда «Социализм как положительное учение» он подразделяет социалистический строй на 4 вида – государственный, синдикальный, коммунальный и анархический [там же, 275]. К представителям последнего он, в частности, относит Пьера Жозефа Прудона, которого Маркс окрестил буржуазным социалистом.

Рассуждая о немецком государственном социализме, Туган-Барановский прежде всего приводит успехи социал-демократического движения в Германии, считая их доказательством несостоятельности репрессивных подходов правящих кругов Германии: «политика социальных реформ, удовлетворяющая ... некоторым требованиям рабочих, является ... наиболее благоразумной во всех отношениях» [Туган-Барановский, 1998, 171]. «Национальная идея, историческая школа, крепкая государственная власть, социал-демократическое движение», а также требование и защита социальных реформ [там же] – вот что, по мнению ученого, определяют вектор развития германской экономической мысли конца XIX – начала XX в. В силу этого зачастую проводятся известные параллели между идеями «историков» и мыслями Туган-Барановского [Смирнов, 2021, 45].

Михаил Иванович признает, что под влиянием подобных идей попала значимая часть немецких профессоров политической экономии, однако относить их всех, а прежде всего – немецких «историков», к категории катедер-социалистов не спешит. Туган-Барановский отделяет течение катедер-социализма, «которое менее всего заслуживает упрека в пристрастии к социализму» [Туган-Барановский, 1998, 174], от направления государственных социалистов, которые «не заражены презрительным отношением к теоретической политической экономии» [там же, 175]. К первым он относит Густава Шмоллера, наиболее известного и значимого представителя «новой» немецкой исторической школы, к последним – Адольфа Вагнера, отмечая его вклад в описание экономического строения современного общества и выводы о природе частного права собственности [Туган-Барановский, 1998, 177]. М.И. Туган-Барановский явственно симпатизировал государственному социализму, но никогда не идеализировал его [Ионесов, Фоломеев, 2021, 27]. Его исследования развивались не в русле апологетики капитализма, а в направлении неустанного поиска наиболее благоприятной и совершенной модели социалистического общества [Баркова, 2024, 131].

Наконец, следует отметить, что для М.И. Туган-Барановского социализм не является исключительно направлением исследований, он придает ему нравственную окраску, постоянно называет его «положительным учением» и видит за ним лучшее будущее. Книгу Вернера Зомбарта «Социализм и социальное движение» Туган-Барановский называет чрезвычайно содержательной, но отмечает в ней «скептическое, отрицательное отношение к творческой роли сознательной воли и мысли человека в деле создания новых общественных форм» [Туган-Барановский, 1996, 80-81] и находит в ней те же самые недостатки, что и в теории социализма Карла Маркса, – рассмотрение исторического процесса как слепого и развивающегося независимо от наших пожеланий.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что по мере развития представлений о социализме от фантастическо-утопических к научным в числе наиболее значимых вопросов этой темы оставались вопросы права собственности при социализме и пути прихода к обществу равенства и справедливости. Вплоть до перехода к научным обоснованиям социализма в умах сохранялись реминисценции по античному «золотому веку», равно как они сохранялись в предложенных первыми «утопистами» системах. С точки зрения научного обоснования социализма дальше всех продвинулись Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Предложенная ими классификация отражала основные черты развития представлений о социализме, однако основывалась на классовых принципах и методологически отсылала к историческому материализму, постепенно прибегая ко все более грубым и политически окрашенным классификационным выводам.

Так, взгляды представителей немецкой исторической школы были слепо отнесены большинством марксистов к категории буржуазного социализма, а катедер-социалисты были без оглядки приравнены к государственным социалистам. Тем не менее, изложенные чуть позднее взгляды М.И. Туган-Барановского находят значительное различие между указанными направлениями в среде немецких «историков», выражают отрицание резкой необходимости устранения отдельных форм собственности при социализме и находят в социалистической теории Маркса те же недостатки, что и в трудах Вернера Зомбарта по социализму.

Библиография

1. Аршин К.В. Социализм: введение в понятие // Вестник Вятского государственного университета. 2023. № 3(149). С. 40-49. DOI: 10.25730/VSU.7606.23.034. EDN NUHZZM.
2. Баркова Э.В. История становления философско-экономических взглядов М.И. Туган-Барановского и их значение для развития концепции безопасности России // Современная научная мысль. 2024. № 4. С. 127-135.
3. Вебер М. Политические работы, 1895–1919. Gesammelte Politische Schriften, 1895– 1919 / пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2003. 423 с.
4. Гесиод. Полное собрание текстов / вступит. статья В.Н. Ярхо. Комментарии О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. М.: Лабиринт, 2001. 256 с.
5. Ионесов В.И., Фоломеев С.Н. Принципиальные подходы М.И. Туган-Барановского к обществу будущего: между государственным социализмом и анархизмом // Вестник ЧелГУ. 2021. № 2 (448). С. 26-31.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 671 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 630 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. 2-е изд. М.: Гос. издательство политической литературы, 1964. 806 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. 2-е изд. М.: Гос. издательство политической литературы, 1955. 616 с.
10. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. 52 с.
11. Смирнов И.П. К вопросу о существовании русской школы экономической мысли // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2021. № 3. С. 43-59.
12. Стоцкая Т.Г. Экономическая социология М. Вебера // Вестник СамГУ. 2014. № 6 (117). С. 174-177.
13. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 528 с.
14. Туган-Барановский М.И. Экономические Очерки. (Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. Бумажные деньги и метал. Значение биржи в современном хозяйственном строе). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 527 с.
15. Утопический роман XVI-XVII веков, Библиотека всемирной литературы. Серия 1. Т. 34. М.: Художественная литература, 1971. 494 с.
16. Шмидт Т.З. Формирование социал-реформистской стратегии в Германии на рубеже XIX и XX веков // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. 2005. № 5. С. 35-38.

The paradigm of socialism in the system of teachings of the German historical economic school and Marxism

Dmitrii A. Matelin

Postgraduate Student,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyannyi lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: dmitrii200012@gmail.com

Abstract

The article presents an attempt to understand socialism through the prism of Marxism and the views of representatives of the German historical school of economics. The relevance of the study is explained by the largely one-sided critical view of the provisions of Marxism, which determined the social structure of the Russian state for most of the 20th century, on the issues of creating a society of equality and justice and the trends towards rethinking the domestic "socialist experience" in economic science. The purpose of the study is an attempt to generalize and systematize views on socialism at different historical stages, mainly during the period of active development of Marxism and German "historicism" as two branches of German economic thought of the second half 19th century. The main sources and provisions that defined socialism as a fantastic-utopian phenomenon, and then a scientific one, are considered. The views of K. Marx and F. Engels on the socialist structure of society, the classification of socialism they proposed, and the attitude of representatives of the German historical economic school to socialism are analyzed. In particular, the less radical approaches of the domestic Marxist M.I. Tugan-Baranovsky to the analysis and classification of socialism of German "historians" is researched.

For citation

Matelin D.A. (2025) Paradigma sotsializma v sisteme uchenii nemetskoj istoricheskoj ekonomicheskoi shkoly i marksizma [The paradigm of socialism in the system of teachings of the German historical economic school and Marxism]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 15 (1A), pp. 15-25. DOI: 10.34670/AR.2025.48.48.003

Keywords

German historical school of economics, Marxism, socialism, utopian socialism, state socialism, kathedersocialism.

References

1. Arshin K.V. (2023) Socialism: Introduction to the Concept. *Bulletin of Vyatka State University*, 3(149), pp. 40-49. DOI: 10.25730/VSU.7606.23.034. EDN NUHZZM.
2. Barkova E.V. (2024) History of the Formation of the Philosophical and Economic Views of M.I. Tugan-Baranovsky and Their Significance for the Development of the Concept of Russia's Security. *Modern Scientific Thought*, 4, pp. 127-135.
3. *Hesiod. Complete Collection of Texts* (2001) / introduction by V.N. Yarkho. Commentaries by O.P. Tsybenko and V.N. Moscow: Labyrinth.
4. Ionesov V.I., Folomeev S.N. (2021) Fundamental Approaches of M.I. Tugan-Baranovsky to the Society of the Future: Between State Socialism and Anarchism. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2 (448), pp. 26-31.

-
5. Marx K., Engels F. (1961) *Works*. Vol. 19. 2nd ed. Moscow: State Publishing House of Political Literature.
 6. Marx K., Engels F. (1955) *Works*. Vol. 3. 2nd ed. Moscow: State Publishing House of Political Literature.
 7. Marx K., Engels F. (1964) *Works*. Vol. 36. 2nd ed. Moscow: State Publishing House of Political Literature.
 8. Marx K., Engels F. (1955) *Works*. Vol. 4. 2nd ed. Moscow: State Publishing House of Political Literature.
 9. Plato (2007). *Works in Four Volumes*. Vol. 3. Part 1 / edited by A.F. Losev and V.F. Asmus; translated from ancient Greek. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University; Oleg Abyshko Publishing House.
 10. Schmidt T.Z. (2005) Formation of Social-Reformist Strategy in Germany at the Turn of the 19th and 20th Centuries. *Bulletin of Perm University. Series: History*, 5, pp. 35-38.
 11. Smirnov I.P. (2021) On the Existence of the Russian School of Economic Thought. *Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics*, 3, pp. 43-59.
 12. Stotskaya T.G. (2014) Economic Sociology of M. Weber. *Bulletin of SamSU*, 6 (117), pp. 174-177.
 13. Tugan-Baranovsky M.I. (1998) *Economic Essays. (Essays on the Modern History of Political Economy and Socialism. Paper Money and Metal. The Importance of the Stock Exchange in the Modern Economic System)*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN),. 527 p.
 14. Tugan-Baranovsky M.I. (1996) *Towards a Better Future. Collection of Social and Philosophical Works*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).
 15. *Utopian Novel of the 16th-17th Centuries, Library of World Literature*. Series 1. Vol. 34 (1971). Moscow: Fiction Publ.
 16. Weber M. (2003) *Political Works, 1895–1919. Gesammelte Politische Schriften, 1895–1919* / translated from German by B.M. Skuratova. Moscow: Praxis Moscow.